ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6
Э 91

Э 91 Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, программатике и политико-правовой практике российского либерализма: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 1–3 октября 2015 г. Орел, Приокский государственный университет. Орел: Издательский дом «ОРЛИК», 2015. – 352 с.

В настоящий сборник научных статей вошли материалы седьмых «Муромцевских чтений», посвященных самым разнообразным аспектам развития либеральной идеологии и политико-правовой практики с определенным акцентом на национальные и конфессиональные сферы. Традиционно для чтений отдельное внимание уделяется персоналиям, без которых вряд ли можно себе представить историю либерализма. Ряд работ посвящены партийному законотворчеству, либеральной программатике, региональным аспектам становления и развития отечественного либерализма.

Сборник статей предназначен для всех интересующихся проблемами истории российского либерализма.

ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6

© Издательский дом «ОРЛИК», 2015.

Репников А.В.
Мир, который война проверяет на прочность.....310

Селезнев Ф.А.
Партия кадетов после брестского мира: вопрос
о выходе России из Первой мировой войны 317

Братолюбова М.В.
Донские кадеты и региональные особенности российского
либерализма в начале XX в. 328

Карпачев М.Д.
Власть и выборы депутатов III и IV Государственной Думы
Российской империи от Воронежской губернии.....336

Ф.А. Селезнев[1]

ПАРТИЯ КАДЕТОВ ПОСЛЕ БРЕСТСКОГО МИРА: ВОПРОС О ВЫХОДЕ РОССИИ ИЗ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ[2]

Партия Народной Свободы с самого начала Первой мировой войны показала себя принципиальной противницей сепаратных переговоров с немцами. Естественно, заключение Брестского мира было встречено кадетами «с чувством величайшего нравственного возмущения». Кадетская партия заявила: «Пусть же знает Германия, что вырванный сейчас у случайных властителей нынешнего дня мир никогда не будет признан русским народом»[3]. Однако, эти резкие высказывания не привели к обострению отношений между конституционными демократами и подписавшим Брестский мир советским правительством. Наоборот, как пишет В.Г. Хандорин, после «Брестского мира в марте 1918 г. наступила временная относительная "оттепель": были освобождены арестованные активисты кадетской партии, по существу она даже перешла на полулегальное положение»[4]. Регулярно собирались заседания ЦК. Представители партии открыто выступали на митингах. Продолжало работу кадетское издательство «Народная свобода»[5]. Более того лидеры кадетов подняли вопрос о возможности сотрудничества с большевистскими властями в деле национальной обороны.

Эта проблема встала перед партией Народной Свободы в связи с тем, что самими большевиками Брестский мир воспринимался как краткая пауза перед возобновлением боевых действий[6]. Я.М. Свердлов 23 марта 1918 г. на встрече с нижегородским партактивом откровенно заявил: «Мы отлично знаем, что этот мир

---

[1] *Селезнев Федор Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром краеведческих исследований Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.*

[2] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Российские контрэлиты и вопрос о сепаратном мире с Германией (1914 – 1918)», проект № 14-01-00032.

[3] Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6-ти т. Т. 3. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915-1920 гг. М., 1998. С. 419.

[4] Хандорин В.Г. Идейно-политическая эволюция либерализма в Сибири периода революции и гражданской войны. Томск, 2010. С.127.

[5] Канищева Н.И. Конституционно-демократическая партия // Российский либерализм середины XVIII-начала XX века: энциклопедия. М., 2010. С. 449.

[6] Фельштинский Ю.Г. Крушение мировой революции. Брестский мир: октябрь 1917 – ноябрь 1918. М., 2014. С. 237.

есть временная передышка. Подписывая мир, мы должны напрячь всю свою энергию для подготовки к скорой войне»[1]. Именно на этой платформе В.И. Ленину удалось консолидировать большевистскую партию и добиться ратификации Брестского мира, сохранив приемлемые отношения и с левыми эсерами, и со странами Антанты.

Большевиками был создан Высший военный совет под председательством Л.Д. Троцкого (военный руководитель – М.Д. Бонч-Бруевич). Его задача заключалась в том, чтобы создать «завесу» для прикрытия территории РСФСР от немецких войск. После возобновления боевых действий против Германии она должна была стать новым восточным фронтом Мировой войны. Защищать его предстояло регулярной Красной армии, формированием которой занялся Высший военный совет[2].

В сложившейся ситуации партии Народной Свободы предстояло решить, должна ли она встать на лояльную к советской власти оборонческую позицию. В этой связи Центральный Комитет КДП поставил перед местными партийными организациями ряд вопросов, в т.ч.:

- о создании «национальной обороны»;
- о продолжении или прекращении саботажа;
- об отношении военнообязанных к организуемой большевиками армии.

Агитационная комиссия командировала на места своих представителей. В нашем распоряжении имеется отчет одного из них – В.Н. Бочкарева – о поездке в Нижний Новгород. Согласно этому документу, на первом заседании члены нижегородского губернского комитета партии Народной Свободы указали на «невозможность работы с большевиками в национализированных банках, в национализированном флоте и в большевистском суде». «Если входить в банки и во флот, хотя бы исключительно для деловой чисто технической работы, то этим косвенно, по мнению говоривших членов комитета, кадеты будут способствовать большевистскому грабежу». «Попутно был затронут вопрос и о красной армии, в которую, по словам участвовавших в прениях лиц, входить не только бесцельно, но и, безусловно, опасно». На втором засе-

---

[1] Казаков В.А. Я.М. Свердлов в Н. Новгороде в 1918 году // Записки краеведов. Горький, 1975. С. 60.

[2] Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть советам. М., 1964. С. 255; Гросул В.Я. Красные генералы гражданской войны // Военная интервенция и гражданская война в России. М., 2009. С. 78-79.

дании «против вхождения в красную армию в качестве инструкторов высказались все единогласно, т.к. армия – разнузданное скопище безработных, идущих в нее из-за денег, дисциплины и отечества не признающих и оплотом национальной обороны ни в коем случае не могущих стать». В тоже время на этот раз нижегородские кадеты (не без внутренней борьбы) согласились с Агитационной комиссией ЦК в том, что «саботаж не может считаться целесообразным средством в борьбе с большевизмом» (шесть голосами против трех) и признали допустимыми «деловые сношения с большевиками и работу в их учреждениях» (4 – за, 1 – против, 5 – воздержались)[1].

19 апреля 1918 г. для обсуждения дальнейшей линии партии собрался кадетский ЦК. М.М. Винавер огласил составленный им текст декларации об отношении КДП к формируемой большевиками армии. В нем задавался вопрос, будет ли она организована исключительно для «защиты родины от немцев». От ответа от него и должна была зависеть позиция партии Народной Свободы.

По отношению к проекту Винавера в ЦК обозначились два крыла. Левые кадеты (А.А. Кизеветтер, Н.В. Некрасов, М.Л. Мандельштам) вообще были против декларации. Москвичи, традиционно занимавшие жесткую германофобскую позицию, наоборот считали необходимым придать партийной декларации более резкое звучание, включив в нее призыв к партизанской войне против вражеских войск (П.И. Новгородцев, А.Д. Алферов) и «протест против занятия немцами русских областей» (Н.М. Кишкин)[2].

Однако Некрасов предупредил своих товарищей: «Когда мы будем призывать общество к борьбе с немцами всеми способами, мы не встретим себе поддержки в существующем правительстве…» Между тем конфликтовать с большевистской властью кадеты пока не хотели – ведь это могло повредить делу «национальной обороны» и противоречило интересам Антанты, пока еще негласно сотрудничавшей с советским руководством.

Лондон и Париж в марте и апреле 1918 г. основные надежды по восстановлению Восточного фронта возлагали на правительство Ленина, надеясь, что оно, после краткой мирной передышки, начнет революционную войну с Германией. Британский премьер-

---

[1] ГАРФ. Ф. 579. Оп.1. Д.1028. Л. 7-8об.
[2] Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915 – 1920 гг. С. 424-426.

министр Ллойд-Джордж так объяснил логику своих действий члену ЦК КДП А.В. Тырковой: «Троцкий первый сильный человек в России. Он хочет организовать армию против Германии. Другого правительства нет. С кем же иметь дело»[1]. Видимо, исходя из этого, Винавер, в это время игравший роль фактического лидера партии, заявил, что «крикнуть», то, что предлагает Кишкин нельзя, нельзя и «призывать к партизанской войне»[2].

Однако к середине апреля выяснилось, что Ленин не очень-то хочет возобновлять войну с немцами. В Москву 23 апреля 1918 г. приехал немецкий посол Мирбах. Одновременно германская армия вторглась в пределы Области Войска Донского, т.е. на территорию, по Брестскому договору находившуюся под юрисдикцией РСФСР. Но даже это не послужило Ленину поводом для разрыва Советской России с Германией.

В этой ситуации французы забили тревогу. 23 апреля 1918 г. в московских газетах было напечатано интервью французского посла Нуланса, в котором он обосновывал необходимость высадки японских войск во Владивостоке, а также доказывал целесообразность военных действий союзников – в общих интересах – против австро-германцев на территории России. Схожую позицию заняли англичане.

На тот момент они не имели своего посла в России. Его роль играл неофициальный представитель Лондона Брюс Локкарт. Н.Г. Думова, со ссылкой на работу Р. Ульмана, утверждала, что 21 апреля 1918 г. Локкарт в телеграмме на имя министра иностранных дел Бальфура сообщил об изменении своего прежнего предложения – добиться согласия советского правительства на возобновление им войны с Германией при условии союзнической интервенции в России. Теперь, писала Думова, Локкарт «настаивал на осуществлении интервенции не только без согласия большевиков, но и направленной против них»[3].

Представляется, однако, что Ульман неправильно интерпретировал этот документ. В своих воспоминания Локкарт сообщил о состоявшемся на его московской квартире 29 апреля 1918 г. совещании с участием руководителя французской военной миссии генерала Лаверня, который озвучил позицию Нуланса: интервен-

---

[1] Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. М., 2012. С. 222.
[2] Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915 – 1920 гг. С. 426.
[3] Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и её разгром (октябрь 1917-1920 гг.). М., 1982. С. 112.

ция «без согласия большевиков и без их спроса на это». В ответ англичане подтвердили приверженность «к политике сотрудничества с большевиками»[1]. Таким образом, скорее всего, в телеграмме от 21 апреля Локкарт передал мнение французов и свой совет присоединиться к нему – в том смысле, что антигерманская интервенция в России необходима, даже если большевики не согласятся на нее. Но для Лондона (в отличие от Парижа) интервенция «без спроса» являлась крайним и нежелательным вариантом. Важно отметить, что ни англичане, ни французы не думали использовать союзнические войска для свержения советского правительства.

Солидарная позиция Антанты, согласно убедительным аргументам Думовой, была доведена Локкартом до руководства кадетской партии[2] и 26 апреля 1918 г. оглашена на заседании ее ЦК. «ЦК-ту было доложено, что союзники окончательно решили сделать общий десант пяти держав (Англии, Франции, Италии, Японии и С.А. Соединенных штатов), что вопрос этот окончательно решен». Как видим, здесь нет ни слова о намерении «устранить большевиков», как утверждал У. Розенберг, введший тем самым в заблуждение Думову[3].

Характерно, что и сами кадеты не просили союзников свергать советское правительство. Наоборот кадетский ЦК признал необходимым, чтобы союзнический десант «был сделан не для оккупации, а для войны на нашей территории наподобие того, как воюет Англия на территории Франции», т.е. не вмешивался во внутренние дела страны[4].

Обратим внимание еще на одну тонкость в позиции конституционных демократов. Они хотели, чтобы «десант был организован при участии сил всех союзников»[5]. Это условие было вызвано опасением одной японской интервенции, чреватой для России потерей Дальнего Востока. Вообще вопрос о японском десанте обсуждался руководством Антанты с самого начала 1918 г. Англия и Франция хотели, чтобы японцы продвинулись по Транссибу вплоть до Урала и создали там новый Восточный фронт. Однако у американцев имелись свои виды на Транссибирскую магистраль.

---

[1] Локкарт Брюс Р. История изнутри: Мемуары британского агента. М., 1991. С. 249-250.
[2] Думова Н.Г. Указ. соч. С. 112.
[3] Там же. С.111.
[4] Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915 – 1920 гг. С. 431.
[5] Там же.

Поэтому правительства США заявило, что интервенция на Дальнем Востоке может носить только международный характер и не должна быть единоличной акцией японцев. Французы, как ни пытались, переубедить Вашингтон не смогли. Правда, 5 апреля 1918 г. японцы высадили небольшой десант во Владивостоке. Однако под давлением США Япония отказалась от высадки более крупных сил и обещала согласовывать дальнейшие действия с Соединенными Штатами. Но в середине апреля 1918 г. вопрос о японской интервенции вновь приобрел актуальность.

Между тем перспектива продвижения японских войск до Урала вызвала беспокойство у правого крыла русского образованного общества и способствовала развитию германофильских настроений. И хотя агитационная комиссия КДП еще 3 апреля 1918 г. решила «вести самую жестокую войну с германофильскими течениями в обществе...»[1], подобные настроения захватили и часть кадетов.

Первым эту тему затронул М.С. Аджемов, член Петроградского отделения ЦК КДП, еще в сентябре 1917 г. выступавший за заключение мира с Германией[2]. Он приехал в Москву и обратился к ЦК КДП с вопросом, «как партия отнесется к переговорам внепартийных кругов с немцами по вопросам об установлении нового небольшевистского правительства при условии пересмотра Брестского мира, и окажет ли партия техническую помощь такому правительству»[3]. Для Аджемова, как бывшего депутата Государственной думы от Дона, знать это было особенно важно, поскольку в это время германская армия вторглась в пределы Области Войска Донского.

В ответ на просьбу Петроградского отделения прислать мнение ЦК партии по вопросу, поднятому Аджемовым, Кишкин, от имени бюро ЦК КДП, предложил принять постановление о том, что «ЦК-т, оставаясь при прежней ориентации на союзников, считает всякие подобные переговоры с немцами в интересах России нежелательными» и «не считает возможным оказывать им какое-

---

[1] Там же. С. 422.
[2] Братолюбова М.В. Аджемов // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С.14 – 15.
[3] Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915 – 1920 гг. С. 432.

либо содействие». Более того, «Ц-кт считает недопустимым участие в таких переговорах кого-либо из членов партии»[1].

Новгородцев предложил дополнить это мнение указанием на полезность «предварительной разведки у немцев», «которая будет вестись другими, но не членами партии»[2]. По сути, он испрашивал санкции ЦК на одобрение контактов с немцами членов возглавлявшегося им Правого центра – надпартийной структуры с консультативными функциями, куда входили представители кадетов и более правых организаций (Совет московских совещаний общественных деятелей, обычно называемый Советом общественных деятелей; Союз земельных собственников; Торгово-промышленный комитет).

Однако Винавер этому решительно воспротивился. Упирая на слухи, которые начали ходить в обществе о том, что ЦК КДП изменил свою точку зрения на германскую ориентацию, он заявил, что дополнение Новгородцева «собьет с толку» тех, кто о нем узнает. В результате текст постановления был принят в формулировке Кишкина[3].

Петроградские кадеты не смирились с этим и после неудачи миссии Аджемова отправили в Москву члена ЦК, остзейского барона Б.Э. Нольде. Этот бывший сотрудник МИДа и правовед, как и Аджемов в сентябре 1917 г. выступал за прекращение войны[4]. К этому же он призвал представителей партийного руководства на заседании ЦК 8 мая 1918 г. При этом брестские договоренности Нольде отвергал, считая, что нужно начать «борьбу за улучшение условий мира». Но для этого, говорил он, требуется восстановление законной и авторитетной государственной власти, «которая может быть только монархией». Создание этой власти без внешней поддержки Нольде считал нереальным. Следовательно «нужно искать спасения в воссоздании власти при помощи иностранцев-союзников или иностранцев-немцев». На союзников в этом плане, считал оратор, надеяться нечего, и «путь соглашения с Германией является единственным путем, по которому нам следует идти ради воссоздания русского государственного един-

---

[1] Там же.
[2] Там же. По словам П.И. Новгородцева, схожего мнения придерживался Н.В. Некрасов.
[3] Там же.
[4] Стародубова А.Л. Нольде // Российский либерализм середины XVIII-начала XX века: энциклопедия. С. 652.

ства». Для достижения этой цели, полагал Нольде, можно пожертвовать Литвой и Курляндией, вернув через исправление Брестского мира Украину, часть Балтийского побережья, Батум и Карс. «Мы должны выйти из английской клиентелы, чем и купить себе расположение Германии», – резюмировал Нольде, заверив коллег, что это можно сделать без заключения договора о союзе с немцами[1].

Однако подобная перспектива не привлекла московских кадетов. Ф.И. Родичев предупредил, что немцы захватят «русское достояние: чернозем, промышленность», допустив «монархию со своей ориентацией, но мы под этим подписаться не можем». Против предательства союзников высказались Н.И. Астров, Кишкин, Винавер и Новгородцев.

П.Д. Долгоруков, хотя и соглашался с тем, что «нам не избежать германского влияния», хотел, чтобы оно явилось «без нашего участия и нашей помощи». В итоге ЦК КДП подтвердил прежнюю свою резолюцию о том, что считает «всякие переговоры с немцами об образовании нового правительства в интересах России нежелательными», а участие в таких переговорах кого-либо из членов партии «недопустимым»[2].

Однако эта резолюция не была оглашена, и борьба, шедшая внутри кадетской партии, оставалась неизвестна общественности. Между тем в Москву и Петроград пришли известия об устроенном немцами 29 апреля политическом перевороте в Киеве. Социалистическая Центральная Рада была свергнута. Русского генерала Скоропадского объявили гетманом. В его правительство, которое возглавил полтавский земец Ф.А. Лизогуб, вошло 9 членов партии Народной Свободы[3]. Областной комитет партии одобрил их шаг и дал им полную свободу действий. На заседании 2 мая он постановил «не связывать их партийными директивами»[4].

Эта резолюция была перепечатана в петроградской кадетской газете «Наш век» (бывшая «Речь») вместе с подробной информацией о перевороте в Киеве. Причем без всякого осуждения киевских кадетов. Поэтому у широкой публики могло сложиться впе-

---

[1] Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915 – 1920 гг. С. 347-439, 441-442.
[2] Там же. С. 439-442.
[3] Щербін Л. Українське питання в діяльності конституційно-демократичної партиї Росії (1905 – 1918 рр.). Івано-Франківськ, 2010. С. 142-143.
[4] Наш век (Петроград). 1918. 9 мая.

чатление, что кадеты Петрограда поддерживают своих киевских товарищей и готовы по их примеру войти в правительство, которое, отстранив от власти левых, поставит Германия. Советские власти пришли в большое беспокойство. С 12 мая они закрыли «Наш век» за «немецкую ориентацию»[1].

В этой ситуации перед московским руководством партии встала необходимость гласно обозначить свою позицию. Оно собралось для этого 12 мая 1918 г. Предварительно вопрос обсуждался в бюро ЦК, где обозначились два подхода. Один («ортодоксально-антантофильский») защищал Винавер, другой, более прагматичный – Новгородцев.

Винавер полагал, что партия должна объявить о своем негативном отношении к попыткам образовать всероссийскую национальную власть при помощи германцев. Новгородцев убеждал коллег не делать на этот счет публичных заявлений «ввиду не совсем ясной еще общей международной конъюнктуры». Если Винавер отвергал любые контакты с немцами, то Новгородцев вновь указал, что такие переговоры возможны, их лишь «не должны вести члены партии». Но партии нужно иметь над ними «свой надзор». Причем «при соблюдении известных условий» она может допустить вхождение своих членов в подобное правительство[2].

Такова была линия, которую сам Новгородцев проводил через Правый центр. В историографии она получила название «политики свободных рук». Ее приверженцем стал молодой кадетский публицист Н.В. Устрялов. Новгородцев и Устрялов полагали, что партия не должна себя связывать категоричными заявлениями о неучастии в будущем правительстве страны, если оно будет создано при поддержке Германии[3]. Однако большинство членов ЦК поддержало Винавера и выступило за немедленный выпуск декларации с отказом партии от власти, опирающейся на немецкие штыки. В этом духе высказались Родичев, Д.Д. Протопопов, Д.И. Шаховской, Н.Н. Щепкин, П.А. Садырин, А.Д. Алферов,

---

[1] Там же. 16 июня.

[2] Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915 – 1920 гг. С. 443.

[3] Романовский В.К. Николай Устрялов. От либерализма к консерватизму. Нижний Новгород, 2010. С. 139-141.

М.В. Челноков, М.Г. Комиссаров. Повременить предлагали Мандельштам и (с оговорками) Астров и Долгоруков.

Одним из важных аргументов сторонников спешного выпуска декларации была необходимость дать ориентир ростовским кадетам[1]. На Дону в это время повторялась киевская ситуация. 8 мая 1918 г. в Ростов-на-Дону вошли немцы. Через три дня, 11 мая, в Новочеркасске делегаты от станиц учредили примирительно настроенный к Германии Круг спасения Дона. Войсковым атаманом был избран П.Н. Краснов, сразу же вступивший в контакты с германскими войсками[2].

В Ростове-на-Дону в это время находился П.Н. Милюков. В приходе к власти Краснова, как и в перевороте Скоропадского, он, по собственному признанию, «увидел явления одного порядка – и явления *положительные*», знаменующие начало «возрождения российской государственности». Участие в этих событиях немцев кадетский идеолог считал «начальной, неизбежной, но все же второстепенной чертой, – как средство по отношению к цели». «Для изгнания большевиков из Москвы и России есть две силы: внешняя, германская, и внутренняя – Добровольческая армия», – писал Милюков в ЦК КДП в июне 1918 г., указывая, что задача КДП – соединить их обе[3]. Он убеждал руководство партии и Добровольческой армии в необходимости «освобождать Москву в контакте и, насколько окажется необходимым, при прямом содействии германцев»[4].

Ориентацию Милюкова, в отличие от выжидательной и половинчатой линии Новгородцева – Устрялова, действительно можно назвать «германофильской». ЦК, по воспоминаниям лидера кадетов, ее «решительно осудил» на майской конференции партии Народной Свободы[5]. Впрочем, эта информация противоречит его же дневнику. В нем указано, что цитированное выше письмо было написано 13 июня (31 мая), т.е. когда майская конференция уже закончилась[6]. Поэтому следует согласиться с Думовой, полагав-

---

[1] Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915-1920 гг. С. 450.
[2] Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции: В 22 т. Т. 5-6. М., 1993. Т. V. С. 190-191.
[3] Дневник П.Н. Милюкова. 1918-1921. М., 2004. С. 22.
[4] Там же. С. 23.
[5] Милюков П.Н. При свете двух революций // Исторический архив. 1993. № 2. С. 131.
[6] Дневник П.Н. Милюкова. С. 21.

шей, что о перемене Милюковым ориентации его московские коллеги не знали вплоть до июня 1918 г.[1] Таким образом, на московской конференции КДП, состоявшейся 26 – 28 мая 1918 г. позиция председателя партии не была представлена. Борьба велась между антантофильским большинством и защитниками тактики «свободных рук».

С основным докладом на конференции выступил Винавер. Он признал, что «для свержения большевиков ориентация на Германию действительно является наилучшим, наиболее скорым и решительным средством», в то время как союзники «не могут, да, по принципиальным соображениям, быть может, и не желают оказать России содействие в свержении большевиков»[2]. Это создает благоприятную почву для распространения германской ориентации. Однако Винавер, уверенный в конечной победе Антанты, призвал не поддаваться пораженческому соблазну и «громко заявить, что эта тенденция ничего общего с международными интересами России не имеет»[3].

Сущность «политики свободных рук» следом изложил Устрялов, но его аргументация не получила поддержки[4]. Конференция приняла постановление, одобряющее доклад Винавера. В особом коммюнике было подчеркнуто, что партия Народной Свободы «всегда отстаивала во внешней политике необходимость участия России в антигерманской коалиции», а «сплочение общественного мнения около этой идеи, национальное объединение во время войны и резко отрицательное отношение к идее сепаратного мира с Германией явились в значительной мере результатом деятельности партии»[5].

Резолюция, принятая по докладу Винавера, по мнению Устрялова, имела далеко идущие последствия. После нее отпала возможность поссорить Германию с большевиками. Немцы теперь не видели приемлемой альтернативы правительству Ленина[6].

---

[1] Думова Н.Г. Указ. соч. С. 111.
[2] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. Т. 3. Кн. 2. 1918-1920 гг. М., 2000. С. 24.
[3] Там же.
[4] Романовский В.К. Указ. соч. С.145.
[5] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. Т. 3. Кн. 2. 1918-1920 гг. С. 34-35.
[6] Романовский В.К. Указ. соч. С.145.

Нет сомнения, полагал А.И. Деникин, что на решение вопроса об ориентациях «повлияла и та общая концепция, которая связывала с Германией – идею реакции или, во всяком случае, монархической реставрации, с Согласием – торжество либерализма или республиканского строя»[1].

Ради верности своим идеологическим принципам кадеты отказались от власти, которая сама шла им в руки. Это дало им возможность заявить на конференции в Екатеринодаре (29 – 31 октября 1918 г.): «мы союзникам не изменяли» и «союзники обязаны это учесть». В награду конституционные демократы рассчитывали на содействие Антанты в борьбе с большевиками[2]. Однако Англия и Франция, действуя сугубо прагматично, не считали себя связанными какими-либо обязательствами в отношении тех или иных политических сил в России, включая кадетов. Это и предопределило историческое поражение партии Народной Свободы.

М.В. Братолюбова[3]

ДОНСКИЕ КАДЕТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА В НАЧАЛЕ XX в.

Исследование региональных особенностей российского либерализма актуально не только с точки зрения освещения местной истории. Оно выступает в качестве задачи, решение которой позволит углубить и детализировать наши представления о процессе упрочения и развития либеральной идеи в России в целом. Более того, без учета региональной специфики, как нам представляется, вообще вряд ли возможно адекватно отобразить воплощение либеральной идеи в условиях России. Многообразие социально-экономических отношений и социокультурного устройства в длин-

---

[1] Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн. 2. М., 2006. С. 446.

[2] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. Т. 3. Кн. 2. 1918 – 1920 гг. С. 42, 45.

[3] *Братолюбова Мария Викторовна - кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Института истории и международных отношений Южного федерального университета.*